

1.21 Феофан образотворец

Чрезвычайно важно то, открывается ли нам образ, как посредник света, благолепно созданный, несомненно одухотворённым мастером, - является ли образ неперменным проводником действия Духа Святаго Божьего, проводником Божественных энергий. Может ли образ удержать в себе Святаго Духа как бы на узде своего великолепия, на аркане воплотившейся творческой любви мастера изографа, - может ли, как бы в неких узах –

удержать свободу Духа. Может ли образ созданный одухотворённым человеком – ограничить Бога по существу. Конечно же, - нет. Само велико-лепие образа не есть условие, обязывающее Бога – проявиться на нём, проявиться там, где живописно раскрыт образ. Вместе с тем, откровенный и чистый рукотворный образ никак не есть препятствие к Самораскрытию Бога, не есть преграда. Напротив, здесь истончается пространство до некоей тончайшей чувствительной мембраны между Духом Святым и образом Божьим в человеке, быть может этой мембраной – отзывчиво вибрирует человеческая душа под мановением перстов Господних. Итак, сам по себе образ и не побуждает Бога, и не отвращает Его. Из этого, отнюдь, не следует некое унылое резюме о непознаваемости Бога, о без-надёжности человеческих ожиданий, о без-содержательности и тщете человеческих усилий в образотворчестве. Более того, обретём ли иное занятие существенно достойное человека, коме распознание своего Творца и устремлённости к Нему. «Напрасно занимался я стихами. Зачем болванов каменных плодил» - поэтизирует о себе Микельанжело на исходе жизни. Зачем «плодил» образы Моисея, Давида, Богоматери, Христа... Смог усомниться в целе-сообразности образотворчества великий итальянский образотворец. Не понуждаем Бог... Но и назвать сотворение человеком образа – делом напрасным – да не пошевелится язык. Творение образа христианским, православным образотворцем – безусловно глубоко личное дело, личный путь восхождения ко Христу - к личному Первообразу. Путь возделывания человеком самого себя в со-трудничестве с Божьим благоволением, в стяжании благодати... но образотворчество не есть ещё сама благодать. Движение к уподоблению, но не само уподобление, не реализованная уподобленность, но устремлённость к ней воли. Уготовление человеком себя к раскрытию образа, но ещё не само раскрытие. Если мы примемся помышлять так, что образ внутри человека раскрываем одними лишь человеческими усилиями – впадём в древнее человекобожие, вновь сможем именовать его гуманизмом. Если помышляем, что человеческие усилия способны принудить Бога раскрыть Свой образ перед человеком – назовём эти помышления проявлением оккультных блужданий мысли. Если же отринем призыв Спасителя стучать и просить, как безнадёжные – впадём в уныние беспросветного отвращения от Христа, удалившего Себя от мира. Если образотворчество в человеке есть деятельное стяжание молитвенного со-гласия с Богом, смиренное и expectantное, вместе с тем – неотступное искреннее призывание Бога к со-участию в личном делании духовного пути... - воспринимаем это помышление истинным, срединным, право-славным путём, шествием и триумфом торжествования образа в православной полноте. Возможно ли помышлять о безнадёжности в образотворчестве... Возможны ли хоть бы тени уныния, от-чаяния пред Богом в иконописании. Не поднимется к значимому рука мастера, наученная одним лишь ремесленным навыкам, не сможет животворить, бессильна образотворствовать, - не создаст ничего, без-образие проявит себя, подавит собою плод без-надёжности, гордыни, само-надеенности. Можно ли говорить о достаточности пред Богом самих творческих усилий и делания: я - пишу, я – создаю и, значит, делаю - всё, что должен, - едва ли так. Говорить о пред-определённости творчества Богом, о порабощении Творцом человеческой воли и творческих усилий в избранных сосудах... Человек свободен пред Господом, не насилуется воля Божиго раба, не исторгнута из человека свобода, - свобода следовать к Богу и творить на пути к Нему... свобода устранять себя от Него и творить в само-устранении. Свобода заблуждаться и продираться к Богу окольными топками, нелазными путями... и творить, даже и погибая на этом пути, утопая в них – вопиять, как Пётр утопавший. Вот ведь как: творение иконы, образотворчество – есть со-трудничество человека и Бога и сам образ –

благословенный Богом плод совместных усилий твари и Творца. И, вместе с тем, этот сотворённый Богом и человеком плод – не есть узы для творца – человека. Не есть узы для Творца всяческих, не есть узы для Первообраза. Сам Первообраз – Бог – свободен не вмещаться в Свой образ и не про-являться в нём, быть может, до времени.

Что же тогда остаётся пред нами, что рассматриваем мы, вглядываясь в образы феофановой кисти... уже ли одни только плоды человеческого деятельного произволения... Понимаем и чувствуем, чувствуем – и принимаем: перед нами без-ценные свидетельства без-ценных плодов со-участия Бога и человека, свидетельства того, как Бог соучастливо настраивает человеческое естество и творчество на Самого Себя, на со-гласие с Самим с Собой, свидетельствуя о Себе через человека. Живописующая кисть – огненный животворящий язык мастера – суть орган этого свидетельства. Повторим известную вполне поэтичную сентенцию апологетики Христа: если существует Троица Рублёва, значит есть Бог... Продолжим её: если торжествует пред нами образ Феофана – значит, несомненно, – есть Бог... - взирает на нас немолчно, неотступно, милостиво, пристально – со-присутствует пред нами, не видимый нам, но внятно свидетельствующий о Себе – через проявления Себя, распознаваемые нами: образы Бога, превышесущественные и чудесные в естественном обстоятельстве нашей личной жизни, жизни наших ближних. Эти свидетельства – не есть проявление только лишь самих нас, но проявления внешней и близкой к нам Божественной природы, воспринимаемые, как чудо. Свидетельства о удесных проявлениях Бога – не истекают из нашего опыта, но уверяют, утверждают наше маловерие, прочтение о со-беседовании Моисея с Божьим гласом из среды огня – не есть наша личная сопричастность этому со-беседованию, но уверительное, умиленное, снисходительное к нашей падшести свидетельство Писания о самой возможности со-общения человека с Богом. Созерцание образа не есть наше действенное во-ображение, непосредственное проникновение к Первообразу, но лишь обнадёженное свидетельством Бога о Себе – наше толкание в дверь. Занятие достойное, определяющее человека, о-пределивающее Богом и Его образом без-предельную, - не понести не утрудившись до слёз, - человеческую свободу. Именно это занятие избирает образотворец Андрей, как деятельную форму своего существования меж занятий творческого иконо-писания. Было ли это занятие обычным для образотворца Феофана?

Со-зерцание человеком образа Божьего... Не открывается ли в этом слове «со-зерцание» некое пронзительное звучание смысла: со-трудничества, со-действия. Взаимное отражение, приражение образов, взаимное распознавание, взаимное познание человека и Бога через образ в человеке и образ, прикрывающий непознаваемое Божественное естество. Созерцает человека со-средоточенный в Себе, в нераздельном существе Бог. Созерцается Бог – человеком, сосредоточивающим себя, соединяющим свои составы в сердечном затворе, в полноте единения духа, души и плоти, вмещающих, всецело – познающих, – со-зерцается Богу во-ображённый в человеке Божественный образ. Внимательно – внемлет Богу познающий человек, познаваемый Богом. Непосредственное взаимное познание, - со – образуемо ли с чем – либо. Соприкасающиеся образы более не нуждаются в образности, во взаимном от-ражении. На пути к этому со-прикосновению, к взаимному познанию и взаимному проникновению и духоводствует нас образ.

Открывающий Себя Бог – понуждает к со-творчеству с Собой, буквально внося дыхание Духа творчества в человека творящего, со-творяя вместе с человеком, исполняя

образотворствующего человека творческим видением, дерзновением и силами. С творческим наитием живописцу – образотворцу Господь предлагает мастеру через творческий акт – способ, общения с Собою, пролагает в человеке метод (путь) Богообщения. Способ общения через образ, через приближение к образу, через во-ображение в него, через вос-приятие Бога в образе, от-кровению человеком самого себя к этому восприятию. Допустим дерзновенно прекрасное: Богоподобие, надлежащее человеку – и есть способность к Богообщению через творимый человеком образ, отнюдь, не только образ художественный, живописный.

Бог открывает Себя... и что же делать человеку пред открывающим Себя Богом... Пасть на лице и воскликнуть: Господи, хорошо! И как быть дальше, неся на себе запечатление этим обжигающим светом... Мы можем только от-странённо досуже рассуждать об этом. Но мы - можем – рассуждать, во многом, лишь благодаря следам, последствиям этой запечатлённости, этого опаления человеческой души, вос-сияния человеческого духа от света нетварного, от-ображённого, живописанного... благодаря открывшимся пред нами отсветам этой некогда произошедшей встречи. Вот – эти следы, в при-небесных из-ображениях гречанина Феофана.

Можно теперь пред образами великолепными, следами вспыхнувшего некогда Боговедения – пасть ниц и возрадоваться о благоволении Бога к человеческому естеству. Можно пред этими образами, как перед камертоном явственно пред-ставить себе, что есть образ, написанный человеком по принуждению, не от Бога исходящему, устранённому от Творца, вне сущностного деятельного личного образотворчества мастера, скажем в силу некоей профессиональной человеческой занятости, – распознаем на противопоставлении, что есть писание образа «мёртвой» кистью. Но распознаем ли теперь, где и как захочет дышать Дух... И камни вопиют, и чрез образы ремесленные – животворит Бог. Но практика человеческого Богообщения возносит живописуемое образотворчество к священнодействию. Омрачены наши души. И действия наши не светлы. Образы в нас – печальны и темны. Да не отчаемся меж ними, обретая светлые окна, запечатлевшие отсветы Боговедения, Богообщения, следы личной, ободряющей, вдохновляющей, обнадеживающей со-образованности, запечатлевшие вспышку Любви между Богом и человеком. Вспышку Любви, просиявшей на самом кончике творящей кисти мастера Феофана Грека.

Упомянем же наконец, выскажемся здесь о значении, о великолепном смысле святого имени самого мастера Феофана – имени, несущего, про-являющего Бога к нам. Феофания – празднование Богооткровения, Бого-явления. Бог в феофании – в крещении, Богоявлении – впервые явлен человеку в полноте троичности: во гласе Отца – родителей глас, свидетельствоваше Тебе... в Духе, нисходящем от Отца к Сыну в виде голубя, извествовавше словесе утверждение... во Христе Иисусе, воплотившемся и крещаемом от Иоанна – человека. Феофан – являющий Бога, про-являющий Бога, при-вносящий Бога к нам. Имя Феофан – звучит осмыслением образа человеческого, во-ображённого в Бога. Образ, впусивший Бога в человека. Образ Бога в человеке, творящий образы Божьи для нас, людей, - образы, впускающие, про-являющие движение Бога к нам. Чрезвычайно символично имя мастера. Вострепещем пред самим символом этого имени. Вострепещем, восхищённо и про-изнесём краткими словами праздничного кондака: «Явился еси днесь вселенней, и свет Твой, Господи, знаменая на нас, в разуме поющих Тя: пришел еси и

явился еси, Свет Неприступный». Скажешь ли точнее о значении Богоявления в имени мастера, про-являющего перед нами, для всей сотворённой вселенной - образы Неприступного Света, знаменующего Себя на нас в образах Бога. Света, знаменующего Себя в имени образо-творца, мастера Феофана. Под пристальный свет подставив лицо, сердечную глушь,

Не вымолвишь, как – истаивает в пред-сердии глетчер.
Вдыхая, не ждёшь усталой груди пощады под вечер,
Но не из-несёшь на суд о себе утробную чушь.
Вольфрамовый блик, мерцанье свечи... Я искренний – чужд
Своей темноте, теснинам, теням... - но сплошь изувечен.
К нетленной заре - я, весь омрачён, - ступаю на встречу.
Супруге – земле свободу вручил – не друг и не муж.

Мой брат Феофан на горних лесах орудовал кистью, -
Живые крыла пигментом раскрыв, парил надо мной.
Белее, чем снег – что отсвет одежд на Пре-ображенье –
Над сумрачным дном, над жизнью вокруг – распахнутой высью, -
Он торжествовал, кладя пробела на охристый слой
Печальной души, увевавшей вдруг своё отраженье.